

— ...Ну-с, милочка, не вижу никаких препятствий для того, чтобы вы могли родить ребенка. Здоровы, абсолютно здоровы! — благожелательно произнесла пожилая темноволосая докторша, захлопнув карту.

— Спасибо, Ирен Акоповна... — рассеянно ответила Нина. Она не сомневалась в своем здоровье — данный визит в женскую консультацию носил скорее профилактический характер.

— Как говорится, теперь дело за вашим мужем! — Докторша всегда поддерживала пациенток, которые решались в это не такое уж легкое время обзавестись потомством. С другими — кто сознательно пытался лишиться себя радости материнства — Ирен Акоповна вела себя отстраненно-холодно.

— Я не замужем... — все так же рассеянно ответила Нина. Но, посмотрев в темные любопытные глаза докторши, тут же спохватилась: — Но скоро буду!

— Дай-то бог! — энергично кивнула Ирен Акоповна. — Всего доброго... — она заглянула в карту, — ...Нина Андреевна. Следующий!

Нина вышла из кабинета, пропустив в кабинет особу в невысшимом мини и розовых сапожках на шпильках, отметив равнодушно, что особа чем-то похожа на

Жанну Ложкину, ее коллегу по работе... Такая же фамм фаталь. Нина недолюбливала подобных особ — то бишь роковых женщин — эксцентричных, эффектных и пустых, которые тем не менее ловко умели морочить головы доверчивым мужчинам. Но теперь Нине стали безразличны все эти фамм фаталь, поскольку в ее, Нининой, жизни впервые за долгое время появился некий просвет.

Она прошла по длинному сумрачному коридору, забитому женщинами, ожидающими своей очереди, а затем стала спускаться вниз по лестнице со стертymi неровными ступенями и вдруг остановилась у окна, за которым виднелись верхушки кленов, растущих во дворе, — желто-оранжевые, золотые, сказочно красивые.

Сердце Нины сжалось в предчувствии грядущих перемен — это был тот миг откровения, который время от времени и порой в самый неожиданный момент посылается каждому человеку, подхватывает и крутит, точно осенний лист над землей, заставляя дрожать от страха и восторга...

Нина стояла у окна и смотрела неподвижными глазами на деревья, но видела не их, а свою будущую жизнь.

У нее прекрасный муж. Добрый, порядочный человек. Они оба мечтают о ребенке. Нет, даже не так — о детях! Потом их мечты обретают реальность — благо никаких препятствий для этого не существует, Ирен Акопова гарантировала... Мальчик и девочка. Умные, милые, славные. Они растут, ходят в детский сад, затем в школу. Девочка — хорошенькая, но очень ответственная, серьезная, уж Нина постарается, чтобы ее малышка ни в коей мере не напоминала фамм фаталь, раскрашенную куклу! Мальчик — способный и талантливый. Нина приложит все усилия, чтобы его не забрали в армию. Да, и еще постарается, чтобы они уважали отца. Впрочем, они будут его уважать и без ее участия, потому что, как уже сказано, он добрый и порядочный человек. Немного мягкотелый — тайком станет баловать их, а Нина будет старательно делать вид, что ничего не замечает. Что плохого в том, что отец слишком любит своих детей?.. Она, Нина, положит

всю свою жизнь на то, чтобы ее будущая семья стала счастливой.

О, как нестерпимо мучительно хотелось ей и доброго мужа, и славных деток!

Ничего для этого не жалко, и никакой труд не кажется тяжелым. Только радость...

Ей будет в радость и беременность с ее токсикозами и прочими проблемами. Роды, пусть даже самые болезненные, превратятся в праздник. Бессонные ночи с младенцем будут полны умиления. Ходить в магазины, драить полы, готовить обеды, устраивать семейные вечеринки, искать репетиторов, давать взятки, выбивать справки, бегать в химчистку, вытирать носы, проверять уроки, работать сверхурочно... Ничего этого Нина не боялась, скорее наоборот — она *хотела* этого.

Уже много лет она пыталась претворить свои мечты в жизнь, но почему-то ничего не получалось. Берегла свое здоровье, регулярно посещала всех врачей — для того, чтобы счастье не застигло ее врасплох, чтобы к его приходу было все готово. Не пила, не курила, питалась только здоровой, правильно приготовленной пищей. В супермаркетах, у полок, внимательно прочитывала все этикетки на продуктах — чтобы, не дай бог, никакого холестерина, консервантов, ароматизаторов, идентичных натуральному, генетически модифицированных добавок... Не смотрела новостей по телевизору — от них только нервы портятся. По вечерам обязательно хоть полчаса, но гуляла. Пила витамины. Была постоянной посетительницей косметических салонов. Читала модные книжки, чтобы уметь поддержать разговор!

Маховик был запущен на полную мощность, но работал вхолостую.

Это было просто какое-то наваждение.

Тридцать шесть лет, и все еще одна, мама не в счет...

И, главное, ведь не уродина какая-то!

Нина была вполне симпатичной женщиной — не толстая, не кривоногая... Носила, правда, очки — но очки никто нынче недостатком не считает. Даже более того — они

Нине очень шли, она не собиралась менять их на контактные линзы или, например, исправлять зрение оперативным путем... Тонкое, одухотворенное, интеллигентное лицо, которое линзы в оправе от Диора (триста долларов, это вам не шуточки!) делали только выразительнее.

Нет, если подумать, одинокой Нина тоже не была — постоянно кто-то крутился рядом. Но все не то... *Он* или был уже женат, или жениться категорически не хотел, или же сразу браковался как возможный отец (плохая наследственность, алкоголизм, ярко выраженные дефекты внешности и т.п.). Приличных мужчин уже успели расхватать проклятые фамм фаталь!

И в какой-то момент Нина решила — все, если она до сорока никого не найдет, родит для себя, из пробирки. Это был, конечно, крайний вариант. Но мама его тоже одобрила — бедная мама, она спала и видела внуков!..

Однако в тридцать шесть судьба преподнесла Нине подарок. Сразу двух (двух!) мужчин, готовых предложить ей руку и сердце.

...Нина стояла у окна и, глядя на золотые, сказочные деревья, пыталась найти ответ — кто? Гурьев или Пересветов? Кого из них выбрать?.. Ах, как бы не ошибиться... Хотя ошибиться было трудно, оба они железно попадали в категорию добрых и порядочных. Немного мягкотелы — но это именно то, что надо. Так называемые «настоящие мужики» озабочены совсем другим, они редко становятся хорошими мужьями и отцами. У психологии тоже есть свои законы!

Вдруг зазвонил сотовый. Нина вздрогнула и выхватила из сумочки телефон.

— Нинуля, ты скоро? — нетерпеливо спросила мать.

— Уже иду... — И Нина стала поспешно спускаться.

Раиса Романовна, ее мама, ходила кругами по маленькому дворику возле женской консультации, между тех самых кленов, на которые только что любовалась Нина.

Несмотря на конец октября, на Раисе Романовне было толстое зимнее пальто на пуху и лохматая песцовая шапка, из-под которой торчали аккуратные пряди сине-

красных волос (цвет «баклажан», с помощью которого она боролась с сединой). Раисе Романовне было пятьдесят восемь, и она все еще преподавала в колледже. Физику.

— Что так долго? — кинулась она к Нине.

— Ты же знаешь — очередь, — с досадой ответила та. — Беременных — целый коридор! Просто ужас. Демографический взрыв.

— И что говорят? — тут же спросила мать, уже о другом.

— Все в порядке, — усмехнулась Нина. — Да я и без того знала...

— Господи, слава богу! — истово произнесла Раиса Романовна и поправила на голове песцовую шапку.

— Мама, ну куда ты так закуталась... Тепло же!

— Это тебе тепло, а я уже старая... — сварливо, скрывая любовь, ответила Раиса Романовна. — Ждала тебя два часа!

— А зачем? Сидела бы дома... — тоже сварливо, скрывая любовь, заметила Нина. — Я же не маленькая.

— Ты для меня всегда останешься маленькой. — Раиса Романовна подхватила дочь под руку, и они пошли к воротам.

Нина, в длинном светлом плаще, со светлыми, до плеч, волосами, в светлых сапожках и со светлой сумочкой через плечо, вдруг в самом деле почувствовала себя совсем молодой. Лет на двадцать. В последнее время у нее всегда было хорошее настроение.

— Я все об этом думаю...

— О чем?

— О Юрочке Пересветове и Николае Ионовиче.

— Представь себе, я тоже о них думаю! — засмеялась Нина.

— Нет, я о другом... Кто из них лучше? Кто из них... как бы это сказать... достойнее?..

— Ма, перестань. Тут не угадаешь.

— Почему? Вот Николаю Ионовичу уже сколько? — с любопытством спросила Раиса Романовна.

— Гурьеву сорок четыре, Пересветову тридцать восемь.

— Вот-вот! Мне кажется, Юрочка лучше...

— Юрочка... — передразнила Нина. — Какие нежности!

— Ну, если это тебя злит, то я не буду... — обиделась мать.

— Ма, да все в порядке! — сердито сказала Нина. — Просто ты говоришь о том, над чем я сама голову ломаю. Понимаешь, они оба — очень хорошие. Оба. Дело в другом — Николай Иванович в меня просто-напросто влюблен. Смотрит все время, ходит следом, зовет куда-то... Даже ревнует, когда я с другими говорю! То, что он сделает мне предложение, даже не обсуждается. Он просто ждет удобного момента. Причем этот момент я могу предоставить ему в любое время — это уже от меня зависит.

— Да, да... — горячо согласилась Раиса Романовна, шагая рядом с дочерью.

— А Юра Пересветов... О, тут все гораздо сложнее. То, что он явно во мне заинтересован, — это тоже очевидно. Но он... — Нина задумалась, пытаясь сформулировать свою мысль. — Понимаешь, мам, он какой-то не от мира сего.

— С головой не все в порядке? — разочарованно ахнула Раиса Романовна.

— Нет, не в этом дело! Он не псих, он абсолютно нормальный человек. Талантливый программист, как все во круг заявляют. На должности сисадмина...

— Кого-кого? — изумленно спросила Раиса Романовна.

— Сисадмин — сокращенно от системного администратора. Увлечен своей работой — так, что иногда забывает о себе. Очень замкнут. Не застенчив, нет — а именно замкнут. Первым никогда не подойдет. Зато уж если с ним заговоришь, то он начинает откровенно радоваться, словно ждал этого! И добр — это видно по улыбке, по всему... Хотя, если быть справедливой, Николай Иванович тоже очень отзывчивый человек, — тут же поправила себя Нина. — Они оба были женаты. Гурьев — вдовец уже давно, у него взрослый сын, живет отдельно. А Пересве-

тов развелся лет пять назад, и с тех пор у него, судя по всему, никого не было. Детей тоже нет.

— Не может быть, — скептически произнесла Раиса Романовна. — Чтобы мужчина да столько лет один...

— По крайней мере, такое у меня впечатление! — с досадой пояснила Нина. — И он страшно тоскует. Страшно. Я вот недавно поговорила с ним ласково — так он весь прямо засветился, засиял... И такой неухоженный! Худющий. И то пуговица на ниточке висит, то в ботинках разных пришел...

— Правда? — Ее мать засмеялась, переполняемая нежностью к возможному зятю. — Бедный, бедный!

— Юру можно брать голыми руками. Что скажешь, то и сделает. Только я хочу, чтобы инициатива исходила от него...

— Так в чем же проблема?

— Ни в чем. Только в одном — в самое ближайшее время мне надо сделать выбор. А то как-то нехорошо — морочить голову сразу двум... — усмехнулась Нина. — Я не Жанна Ложкина. У нас, мам, есть такая — крутит амуры сразу с двумя: с Сидоровым и Айхенбаумом.

— Неужели?

— Я тебя уверяю!

Некоторое время они шли молча.

Раиса Романовна смотрела под ноги, на жухлые листья — словно не было ничего интереснее. Она думала, инстинктивно чувствуя, что дочь от нее ждет совета.

— Нинула...

— Да, мам?

— Если хочешь знать, мне Пересветов гораздо больше по душе.

— Ты же его только с моих слов знаешь!

— При чем тут это... — отмахнулась пожилая учительница физики. — Я о тебе говорю. Ведь сознайся — Юрочка Пересветов тебе нравится больше?..

Нина нахмурилась.

— Ты права... — наконец сказала она. — Он мне нравится больше. Что ж, так тому и быть.

Контора под названием «Минерва-плюс» располагалась на двенадцатом этаже огромного многоподъездного дома. Когда-то весь дом принадлежал научно-исследовательскому институту, но после перестройки институт усох, сократился до размеров одного этажа с лабораторией в подвале, а все остальные помещения стал сдавать разным фирмам и фирмочкам.

Мебельный салон с демонстрационными залами, обувной склад, дизайнерское бюро, еще один демонстрационный зал — с сантехникой, издательство журнала для домохозяек, юридические услуги, мини-пекарня, солярий... Чего тут только не было!

Хотя львиную долю, конечно, занимали конторы по оптовым продажам — именно таковой и являлась «Минерва-плюс».

Так вот, если войти в подъезд номер пять, миновать вертушку с сонным охранником, который изредка и почему-то избирательно требовал у входящих паспорта, чтобы зафиксировать их имена в специальном журнале, потом пройти холл, весь обклеенный рекламными объявлениями, затем найти лифт в сложной системе коридоров и подняться на двенадцатый этаж, то как раз там и можно было наткнуться на вышеназванную контору.

Чтобы попасть внутрь, требовалось прижать к электронному датчику специальную карточку или позвонить охраннику (система видеонаблюдения здесь отсутствовала по причинам экономии).

Зато сидящий у входа в «Минерву-плюс» охранник был суров и бдителен — не чета тому, с нижнего этажа.

Борис Борисыч Нечаев отличался огромным ростом, стрижкой под «ежик», ярким здоровым румянцем и полным отсутствием чувства юмора. Проскользнуть чужаку мимо Барбарисыча (именно так в коллективе называли Нечаева за глаза) было практически невозможно.

Далее шли комнаты с сотрудниками — информационный отдел, юридический, бухгалтерия, менеджеры... Отдельно располагалась комнатка офис-менеджера, или же, в другом варианте, — хозяйственного директора (а

попросту — завхоза) Зины Рутковской, вся забитая папками, бумагой, бутилированной питьевой водой и коробками с офисной оргтехникой.

Потом коридор разделялся. В одной стороне была приемная, в которой сидела секретарша Полина — непосредственно перед кабинетом Платона Петровича Крылова, президента фирмы, а в другом конце коридора были курительная комната и прочие мелкие помещения.

В данный момент в курилке сидели Жанна Ложкина, менеджер, Карина, менеджер, и секретарша Полина. В полуоткрытую балконную дверь, за которой виднелся скучный городской пейзаж с многоэтажками и рекламными вывесками, вливался ледяной осенний воздух. Табачный дым он почему-то не разгонял — только холодней становилось, но трем молодым женщинам это не мешало — они не торопились вернуться на свои рабочие места.

— ...Опять осень! — с тоской произнесла Карина — мать-одиночка двадцати девяти лет, вариант Барби с темными волосами до пояса. — Господи, а я и лето запомнить не успела. Вот так она и пройдет незаметно, эта жизнь...

— Какая осень?.. Зима уж на дворе. — Жанна выставила руку наружу, за балконную дверь, и поймала ладонью несколько снежинок. — Вон, снег!

Жанне было тридцать два, она считалась самой красивой женщиной в конторе, и говорили, что даже почтенный президент, Платон Петрович Крылов, испытывал к ней какие-то чувства.

— Да, первый снег... — вздохнула секретарша Полина. Полине весной исполнился тридцать один год, она была крашеной блондинкой, очень хорошенькой, ее только портили вечно испуганные, несчастные глаза. Причин тут было две — во-первых, со своими прямыми обязанностями Полина не справлялась, и каждую неделю Платон Петрович грозил ее уволить. Но не увольнял — поскольку Полина была дальней родственницей жены (Крылов, при всем своем президентстве, являлся подкаблучником). А во-вторых (это же и было второй причиной, по которой Крылов ее жалел), у Полины была несчастная семейная жизнь.

Муж — деспот и моральный садист. Нет, он не колотил свою жену, не выгонял с детьми из дома (а их было двое — близняшки пяти лет, Петя и Дима). Но каждый вечер, возвращаясь с работы, он выплескивал на них свое недовольство жизнью. Владик, муж Полины, мечтал совсем о другой жизни — легкой, веселой, беззаботной. А вместо этого ему приходилось добывать деньги и терпеть возле себя женщину, которую он давно считал глупой и ничтожной. Вдобавок она родила сразу двоих детей — хотя он планировал только одного!

— Я вот одного не понимаю, — сказала Карина, выдыхая голубоватый дым. — Почему ты, Жанна, такая счастливая?

— Потому что одна, — напомнила Полина. — И свободна, как ветер в поле.

— Разве я счастлива? — усмехнулась Жанна.

— Ну, конечно! — в один голос воскликнули Полина и Карина.

Жанна затушила свою сигарету и перед зеркалом поправила ворот короткой трикотажной кофточкой. И брюки, и кофточка были максимально облегаящими, жизнерадостного желтовато-бежевого оттенка, в тон волосам — не особенно густым, но приятного золотисто-русого цвета, слегка вьющимся. Глаза у Жанны были светло-карие. «Медовая моя...» — вздыхал Сидоров. «Золотая!» — вторил ему Айхенбаум.

— А что такое счастье? — пожала она плечами. — Я, например, особого счастья не чувствую.

— Вот потому и не чувствуешь, что оно у тебя есть! — возразила Карина.

— Нет, я что об этом думаю... — серьезно произнесла Жанна. — Сказать, счастлив человек или нет, можно только после его смерти.

— О чем ты? — вздрогнула Полина.

— Древние греки считали, что лишь смерть придает жизни законченный вид. Жизнь должна завершиться, и тогда можно ответить, счастлив ли был человек. А пока

она продолжается, сказать этого нельзя... — ответила Жанна, немного рисуясь.

— Вечно ты перемудришь... — кисло произнесла Карина. — Высшее образование тебя сильно испортило. И странных книжек чересчур много читаешь!

— Нет, правда... — с азартом продолжила Жанна Ложкина, глядя на свое отражение в зеркале. — Сейчас я еще не старуха и довольно интересная... Но что будет потом? А если я с возрастом превращусь в Бабу Ягу и проведу остаток своих дней никому не нужная?.. Можно ли будет после всего этого назвать меня счастливой, а?..

— Ты как-то неправильно рассуждаешь, — пожалала плечами Полина. — Действительно, всегда перемудришь.

Но Жанна ее не слушала:

— ...А ты, Полинка, бросишь наконец своего дурака Владика и найдешь настоящего мужчину, который будет любить и тебя, и Петю с Димой! Проживешь до ста лет и тихо-мирно умрешь во сне, окруженная детьми, внуками и правнуками. И все скажут — да, вот эта женщина действительно была счастлива...

— Зачем ты говоришь о смерти? — с отчаянием воскликнула Полина, закуривая следующую сигарету. — Это ужасно! Смерть никого не может сделать счастливым!

— А разве ты не думала о смерти? — с напускной мрачностью произнесла Жанна. — Она неизбежна. И все мы превратимся в прах и тлен... Придет тогда, когда мы совсем не будем ее ожидать, и расставит все точки над «і».

Сигаретный пепел посыпался у Полины прямо на пол, и Жанна засмеялась.

— Да она шутит! Издевается над тобой! — закричала Карина. — А ты, Поля, уши развесила... Жанна, это жестоко — мучить Полину, у нее и без того неприятностей полно!

Жанна уже смеялась во весь голос.

Полина посмотрела на нее с обидой:

— Ты, правда, жестокая... И потом, с чего это ты взяла, что с возрастом женщина должна обязательно превратиться в Бабу Ягу? Взять, например, нашу Селену...

— Тс-с... — сказала Карина и на всякий случай выглянула в коридор. — Никого.

— Селене полтинник или даже все пятьдесят пять, а как она выглядит! — шепотом продолжила Полина. — Потому что пластическая хирургия сейчас все может!

Селена Леонардовна Веленская, главный бухгалтер и второе по значимости лицо после Крылова, была действительно дамой без возраста.

— Средство Макропулоса! — мстительно произнесла Жанна.

— Какое средство?.. — наморщила лоб Полина. — Нет, это пластическая хирургия! У нее муж в каком-то там институте красоты работает.

— Да тихо вы! — прошипела Карина. — Нашли кого обсуждать... Я вас уверяю, тут даже у стен есть уши!

И в этот момент по коридору прошла Веленская, неслышно ступая по ковролину, — изящная, тонкая, с безупречным овалом лица и копной серебристых волос. Холодно посмотрела на сидевших в курилке и скрылась в другом конце коридора.

— Что я вам говорила! — в отчаянии прошептала Карина. — Надеюсь, она ничего не слышала.

— А мы ничего такого и не говорили... — пробормотала Полина.

— Полина! — раздался в этот момент отдаленный вопль. — Ну ты где, елки-палки?!

— Платоша зовет... Все, я побежала! — Полина торопливо затушила сигарету и выскочила из курительной комнаты.

— ...Полина, это невозможно! — Платон Петрович Крылов рухнул в кресло. — Я ж тебя сто раз просил не отлучаться так надолго!

— Платон Петрович, меня всего пять минут не было... — едва не плача, возразила секретарша. — И почему вы на меня все время орете? Это несправедливо!

— Все, иди с глаз моих... — замахал руками Крылов. — Да, и закажи мне разговор с Сызранью!

Если кто действительно не чувствовал себя счастли-

вым человеком, так это Платон Петрович Крылов. Президент «Минервы-плюс» находился в вечной депрессии. По крайней мере за последние тридцать лет его настроение только ухудшалось. У Платона Петровича было тяжелое семейное положение. Жена, две взрослых незамужних дочери, мать-инвалид, которая семь лет назад сломала шейку бедра и с тех пор так и не вставала с постели, оставаясь при том очень деятельной и придирчивой особой, теща и сестра тещи — ветеран вредного производства, восьмидесяти трех лет. Все они жили вместе, в одной большой квартире на Ленинградском проспекте. У каждого была своя комната, при мамаше вечно сидела медсестра, да и жена часто выезжала на дачу — но Платону Петровичу от этого не становилось легче, и даже купленный недавно джип не притупил его тоски.

Крылов был совестливым человеком. Он не мог изменять своей жене, даме сурового характера весом в сто пятьдесят килограмм, не мог отселить своих дочек, стремительно превращающихся в старых дев, не мог отправить мамашу в элитный пансионат для престарелых, не мог послать к черту тещу и сестру тещи (хотя стоит заметить, что, если и были с кем у Платона Петровича хорошие отношения, так это с сестрой тещи, ветераном вредного производства. Она была славной старухой, и на ней, по сути, держался весь дом)...

Платон Петрович сидел в уютном кожаном кресле, дожидаясь, пока Полина соединит его с Сызранью, и невыразимо страдал.

Минута текла за минутой... И вдруг он увидел большого рыжего таракана, уверенно бегущего по полированному столу, — и это стало последней каплей!

— Зараза! — заорал он и швырнул в таракана массивным сувениром — малахитовым слоном, украшенным серебряной чеканкой, — подарок коллектива на юбилей. — Сво-оло-очь!!!

— Платон Петрович, что случилось? — влетела в кабинет перепуганная Полина. — Платон Петрович, Сызрань не отвечает...

— Таракан! — заорал Крылов. — Нет, ну какая наглость — прямо у меня на столе... Травить, срочно травить! Дустом!..

...Новость о том, что в конторе собираются всерьез уничтожать насекомых, дошла до отдела, где работала Жанна, только вечером.

Она сидела перед компьютером, составляя список заказа, и одновременно общалась с клиентом по телефону, когда к ее столу подошла Нина Леонтьева.

Нина дождалась, когда Жанна положит трубку, и сказала ровным голосом:

— Слышала, да?

— Что? — спросила Жанна, подняв на Нину свои «медовые» глаза.

— Убери лишнее из стола, — ответила та. — Завтра послезавтра будут тараканов морить.

— Давно пора, — бросила Жанна. — Спасибо, Нин.

— За что?

— За то, что предупредила...

Нина ушла. Жанна посмотрела ей вслед. «Единственный нормальный человек у нас в конторе...» — мелькнуло у нее в голове.

Чтобы удрать после работы домой незамеченной, Жанна предприняла хитрый маневр — в сторону лифтов не пошла, а поднялась по лестнице на тринадцатый этаж, затем через салон сантехники перебралась в соседний, шестой подъезд. Из шестого подъезда можно было попасть во внутренний двор, там как раз стояла машина Жанны — средней потрепанности «японка».

Едва Жанна отъехала от дома, как у нее зазвонил сотовый. На экране высветилось имя звонящего — «Руслан». Руслан Айхенбаум, этого и следовало ожидать...

Жанна с досадой нажала на кнопку отбоя.

Через мгновение телефон затрезвонил снова. На этот раз Жанны домогался абонент по имени «Яша». Яша Сидоров, разумеется.

Тут уж Жанна не выдержала и поднесла телефон к уху, хотя за рулем старалась не вести бесед.

— Алло...

— Жанна, голубка, куда ты пропала?

— Сидоров, как вы мне надоели!

— Кто это «вы»?

— Ты и дурак Айхенбаум!

— Вот-вот, Айхенбаум дурак, а я хороший! — радостно закричал Сидоров. — Жанна, что ты делаешь вечером?..

Вместо ответа Жанна выключила сотовый совсем. Сидоров с Айхенбаумом не настолько наглые, чтобы явиться к ней домой!

Этим вечером у Жанны была куча дел — она так и не успела навести порядок в своей новой квартире, а жить среди коробок и пакетов не слишком-то приятно...

На лестничной площадке шестого этажа, выходя из лифта, она в первый раз лицом к лицу столкнулась со своим соседом — молодой мужчина в защитного цвета штанах, кожаной куртке и армейских сапогах выходил из соседней двери. Вид у соседа был мрачный, даже агрессивный.

— Добрый вечер, — сказала Жанна.

Сосед ничего не ответил и шагнул в лифт. «Ну и тип...» — озадаченно подумала Жанна, но, впрочем, едва войдя к себе, она тут же забыла о нем.

Эту квартиру Жанне подарила мать — певица Ксения Дробышева. Да-да, та самая Ксения Дробышева, известная исполнительница русских народных песен, героиня светских сплетен! Румяная полная красавица с роскошными черными косами.

Жанна не афишировала, что ее матерью была Дробышева. Знакомые слишком бурно реагировали на это известие: «Как?! Неужели ты дочь известной певицы? Боже мой, кто бы мог подумать! Да вы совсем не похожи! И почему она — Дробышева, а ты — Ложкина?» «Потому что у моего папаши была фамилия Ложкин, — объясняла Жанна. — И вообще, кто сказал, что дети обязательно должны быть похожими на своих родителей?..»

Сама Ксения Викторовна тоже не особенно распространялась о Жанне — лишь изредка небрежно упоминала, что у нее есть дочь, не уточняя, какого возраста. И вправду, зачем публике знать, что «ребенку» вечно молодой Дробышевой уже перевалило за тридцать.

Жанну лет до десяти воспитывала бабушка, страстная библиофилка, — они жили отдельно, поскольку певица была вечно в разъездах, а потом, когда бабушка умерла, Ксения Викторовна стала нанимать для дочери гувернанток.

Гувернантки были не самые плохие, но менялись довольно часто. Причиной того, что они не могли долго удержаться на месте, был придирчивый характер Ксении Викторовны, которая раз в месяц наезжала с инспекциями и вечно оставалась недовольна тем, какой вырастала ее дочь. Когда Жанне исполнилось шестнадцать, она заявила матери, что в состоянии жить одна. Ксения Викторовна сказала: «Посмотрим» — и вскоре разрешила дочери жить без опеки посторонних людей.

Жанна обосновалась в квартире покойной бабки, в однокомнатной «хрущевке», но потом Ксении Викторовне стало неловко перед людьми (а в околоартистических кругах подоплеку дела, естественно, знали — не дай бог, сплетни переползли бы в газеты...), и она подарила дочери роскошную трехкомнатную квартиру.

Жанна сначала хотела было отказаться — зачем ей столько комнат, да и вообще, гордыня выиграла («надо же, мамочка в кои-то веки решила позаботиться обо мне!»), но потом дар все-таки приняла.

Это была квартира в относительно новом доме — светлая, просторная, с окнами во всю стену.

С минимумом мебели — стол, стул, диван, книжные полки. И с огромным количеством книг — остались от бабушки.

По натуре своей Жанна была минималисткой, и собственного подавляющему большинству женщин желания «вить гнездышко» в ней не было. Убираться она не любила, готовить — тоже, единственной ее слабостью

была страсть к одежде. Одну комнату она перепланировала именно под гардеробную...

Придя этим вечером домой, Жанна переоделась в короткий шелковый халатик и мужественно принялась разбирать коробки с вещами, большая часть которых была забита книгами. Городской телефон она тоже на всякий случай отключила.

Разбирала коробки она ровно полчаса — а потом решила сделать перерыв. «Нет, это невозможно... Продать, раздать все эти книги! Зачем мне их столько? Вот, например, Шекспир в дореволюционном издании — к чему он мне, все равно я не могу прочесть его со всеми этими «ятями», тем более что есть еще одно издание, современное! А собрание речей Сталина?.. Я не историк, не публицист, мне эти речи задаром не нужны!..»

Жанна налила себе бокал красного вина, положила рядом на столик пачку сигарет.

Но едва она успела сделать первый глоток, как в дверь позвонили.

Скорее всего кто-то из этих наглецов — Сидоров или Айхенбаум? — все-таки решил навестить ее без приглашения.

Босиком Жанна неслышно подбежала к двери и заглянула в «глазок».

— Добрый вечер! — прошебетала, выскочив из лифта, блондинка.

Марат ничего ей не ответил, хотя неделю назад видел, как она переезжала в соседнюю квартиру. Соседка, значит.

Конечно, не слишком вежливо, но он не собирался с ней знакомиться.

И вообще, ему было некогда — до смены оставалось часа два, а в доме ни крошки съестного. Полуфабрикатов Марат не любил, он готовил сам.

Купил в соседнем супермаркете грудинки, пакет фасоли, связку овощей... И вдруг, стоя с тележкой у прилавка с фруктами — горы апельсинов, лимонов, грейпфру-

тов, — вздрогнул. Как будто кто-то невидимый, неведомый провел у него по лицу прохладной ладонью.

Этот цвет. Этот свет. Это золотое сияние...

В первое мгновение он ничего не понял, только удивился: «Что это со мной?» А потом память начала выталкивать из себя давние-давние воспоминания — сначала с трудом, медленно, а потом все быстрее. Картинки из прошлого.

...Лето. Белый песок. Солнце. Прозрачная вода, где у дна плавали какие-то мелкие рыбешки, сияя серебристыми боками...

Оцепенев, Марат стоял с тележкой посреди супермаркета. Он уже был далеко отсюда — прозрачные волны уносили его все дальше и дальше, в прошлое.

...Ее смех. Ее голос: «Марат, доплывем до горизонта!» — «До горизонта нельзя доплыть. Ты что, географию не знаешь?..» Ее улыбка. Обгоревший нос. Выцветшие на солнце пряди волос. Тогда у нее были длинные волосы. Как-то она убрала их назад, и он увидел ее ухо — маленькое, аккуратное, сквозь тонкую кожу просвечивала на солнце рубиновая кровь...

Кто-то из покупателей толкнул Марата, и он очнулся.

«Она или не она?..»

Это было так давно, что прошлое можно было принять за сон. А что, если и вправду она ему приснилась — тогда, тысячу лет назад? Фантазия времен пубертата, которая — неожиданно и некстати! — настигла взрослого разумного мужчину и вновь превратила его в подростка?

«Она или не она?!..»

Это было необходимо как можно скорее проверить.

Секунду Марат еще медлил, а потом, бросив тележку посреди зала, решительно зашагал к выходу.

Жанна заглянула в «глазок» и обнаружила того самого соседа, который обошелся с ней так нелюбезно, — тот стоял на лестничной площадке, засунув руки в карманы

кожаной куртки, и с хмурым, озабоченным видом смотрел куда-то в сторону, покачиваясь на каблуках.

Это очень хорошо. Если бы за дверью оказались Сидоров или Айхенбаум... Или оба сразу! Было бы намного хуже. Столько мороки...

Жанна распахнула дверь.

— Вам что? — с любопытством спросила она.

Мужчина посмотрел ей прямо в глаза и произнес серьезно:

— Вы извините, я с вами не поздоровался — это, конечно, свинство с моей стороны... Но голова совсем другим занята... В общем, еще раз простите. Я ваш сосед.

— Я знаю! — улыбнулась Жанна — все ж таки приятно, что первое впечатление оказалось ошибочным, — и пожала ему руку. — Жанна.

Он моргнул и несколько секунд стоял неподвижно.

«Нет, все-таки он какой-то странный...» — подумала Жанна. Волосы у него были коротко стриженные, темные-темные глаза, сурово сжатые губы.

— А вы меня не помните, Жанна?

— То есть?.. — удивилась она, готовая поклясться, что до своего переезда сюда никогда не видела этого человека.

— Лет восемнадцать—двадцать назад... Ейск. Вы еще со своей тетей были... — сказал странный сосед, почти с мукой вглядываясь в лицо Жанны.

«Ейск... Тетя?.. О чем это он?» Но в следующее мгновение она вспомнила.

— Ейск! Ну да, точно! — засмеялась Жанна. — Но я там была не с тетей, а со своей гувернанткой, если так можно сказать... Точно! Я вспомнила! Мне было двенадцать лет! Двенадцать или тринадцать... Ейск! Господи, а сейчас все в Турцию ездят...

Глаза соседа потеплели, и он вздохнул почти с облегчением.

— Я и вас помню! — с радостью произнесла Жанна — Вы... господи, ну у вас имя еще такое... Незаурядное имя, словом!

— Марат, — тихо подсказал он.

— Да, Марат! Так звали героя Французской революции... Точно, Марат!

Он тоже улыбнулся — с трудом, словно не умел, а сейчас его застигли врасплох, и он невольно вынужден это делать.

— Ну надо же! Как вы меня вспомнили? — веселилась Жанна. — Просто удивительно... И вообще удивительно, что мы оказались соседями!

— Да, приятная неожиданность, — кивнул он. Что говорить дальше, он не знал. — В общем... в общем, будем друзьями. Если что, вы...

— Давай на «ты»! — сказала Жанна. — Мы же действительно друзья детства... Заходи, Марат! — Она отступила назад, приглашая его к себе.

Домашние хлопоты ее уже совершенно не интересовали.

— Н-нет... — Он как будто опешил. — Нет, мне сейчас некогда... времени нет, словом. Я на минуту только...

— Ладно, — с разочарованием произнесла она. — Но все равно, заходи ко мне как-нибудь, Марат. Я одна.

— Одна?

— Ну да, я живу тут одна! — И она, перед тем как хлопнуть дверь, помахала ему ладонью.

Потом Жанна некоторое время стояла посреди пустой прихожей, с улыбкой вспоминая прошлое. Море, смуглый серьезный мальчик, долгие разговоры ни о чем и вместе с тем — обо всем на свете. Очень невинные и трогательные воспоминания.

Марат.

Мальчик по имени Марат за столько лет не смог забыть ее. Как приятно.

Это была она. Это была она. Это была она.

Марат находился в таком состоянии, что не мог ничего делать. Не мог ни о чем другом думать — кроме того, что это была Жанна. И именно поэтому он отказался от предложения зайти к ней — находился в каком-то ступо-

ре. Если бы он остался сейчас с ней, то неминуемо разочаровал бы ее. Он и двух слов сейчас не мог связать. Жанна подумала бы, что он безнадежный идиот.

Но это была она!

«Как странно... — думал он, упав на кушетку — прямо в ботинках и куртке. — Почему меня это так взволновало? Ну, она и она... Что теперь?»

За окном было уже темно, но свет он так и не включил.

— Зачем электричество, если светит солнце?.. — торжественно произнес он вслух и засмеялся. — Ведь Жанна — это солнце. Ночь кончилась!

...История была такова: много-много лет назад он с мамой ездил в Ейск.

Там было что-то вроде санатория или турбазы — стояли вдоль берега отдельные дощатые домики. Душ и прочие удобства — на улице. Обедали в столовой. Сейчас, наверное, мало кто согласился бы на подобный отдых, но тогда Марат воспринимал его как чудо.

Это был первый и последний раз, когда они с мамой ездили куда-то вместе. Она по случаю достала две путевки у себя на работе. Сказала: «Я буду отдыхать и отсыпаться, Марат. А ты делай что хочешь. Ты мальчик, и ты уже взрослый — стыдно было бы водить тебя за ручку...»

Мать спала до обеда, а однажды познакомилась с семьей по соседству. Вместе ходила с ними в столовую, вечерами они играли в преферанс и пили местное вино, обсуждая политическую обстановку в стране...

Марат был предоставлен самому себе, но он не жаловался. Господи, а на что жаловаться, когда он в первый раз видел море! Да еще такое замечательное — неглубокое и теплое.

...У моря, на берегу, обхватив колени руками, сидела девочка. У нее были длинные волосы — концы касались песка. Он сел рядом. «Как дела?» — «В общем, неплохо. Только скучно». — «С ума сошла?..» — «Сам ты... Тебя как зовут?» — «Марат. Марат — так звали героя Французской революции». — «Прикольно... А я — Жанна».

Жанна.

За те три недели, что они были у моря, подруг она так и не завела. Общалась только с Маратом — благо, что тетка (только теперь выяснилось, что это была вовсе не тетка, а гувернантка) занималась исключительно своей личной жизнью.

О чем они с Жанной говорили? Нет, уже не вспомнить...

Что-то о приключениях, о кладях. О том, как где-то неподалеку на берег выбросило акулу-катрана. «Тут водятся акулы?!» — перепугалась она. «Видела бы ты ту акулу! Это ж практически селедка... Одно название только».

О фильмах, которые смотрели недавно. О школе. «Как, ты тоже из Москвы?» — «Да, а что?» Ему казалось невозможным, что она жила в том же городе, что и он.

Она была смуглой от солнца — но без того шоколадного оттенка, которым отличался он, брюнет. Огромные светло-карие глаза. Выразительный рот. У нее довольно большой рот. Однажды он хотел ее поцеловать, но так и не решился. Он был уверен, что Жанна рассердится... Она ходила в выцветшем синем купальнике. Ноги у нее были длинные-длинные и тонкие — как у жеребенка. Она была серьезной и одновременно веселой девочкой. Таких он не видел нигде и никогда. Позже Марат безумно жалел, что не поцеловал ее, — кто знает, может быть, она и не рассердилась бы?

Потом они с мамой вернулись в Москву. Боже, каким он был дураком, что не спросил ни ее адреса, ни телефона! Наверное, именно потому и не спросил, что она принадлежала этому морю и этому солнцу и невозможно было ее вообразить в слякотной суетливой Москве.

Даже то, что он влюбился, Марат понял много позже — когда с удивлением отметил, что слишком часто вспоминает о ней, о золотой девочке по имени Жанна, веселой и серьезной одновременно.

Самые чистые, самые светлые мечты — о ней. Позже, уже повзрослев, он хранил эти воспоминания, как драгоценные камни, — далеко, надежно спрятанными. И из-

редка доставал их, любуясь. К тому времени он уже понял, что имеет цену, а что — нет.

Марату даже в голову не приходило, что Жанну можно как-то найти — она превратилась в сон, в загадку, в фантазию.

И вот она здесь. Рядом. За соседней стеной. Одна. Звала к себе. А как обрадовалась!

Надо было идти на работу — Марат работал ночным сторожем на одном предприятии, — но все медлил. Он думал о ней — теперешней.

Самым главным было то, что Жанна совсем не изменилась. Ведь он узнал ее — практически сразу, стоило только ему пристально посмотреть ей в лицо.

Те же светло-карие ясные глаза. Длинные ресницы — тень от них падает на высокие скулы. Ямочка на щеке — когда она улыбается. Нос задорно вздернут. Большой рот. О господи...

Волосы те же, только короче, чуть ниже плеч. Очень милая прическа, кстати, — ей все равно идет. Ей, наверное, все идет!

Короткий изящный халатик с цветочным узором, ноги. Она была босиком — узкие шиколотки, ровные колени... Господи, господи!

Марат сжал кулаки — так, что ногти впились в ладони. Думать о Жанне — теперешней Жанне — он еще не привык. Эмоции захлестывали... И немудрено — она еще лучше, чем можно было ожидать, она... она действительно — как солнце. Дивная. Милая. Лучше всех.

А та смесь серьезности и веселья? Небесная чистота, чистота в высшем смысле... Ангел. Да, она самый настоящий ангел.

И она одна.

Марат встал, подошел к окну — там, при свете фонарей, качались на осеннем ветру тополя — листва с них еще не успела облететь. Желтые листья. Огни машин. Огни реклам. Все было в золоте. Ночная Москва просто купалась в золоте.

Это был *ее* цвет.

— Сумасшедший дом какой-то! — со слезами в голосе произнесла Полина, проходя мимо Жанны. — Увидел-то всего одного таракана...

В самом деле, с самого утра контору под названием «Минерва-плюс» трясло как в лихорадке.

Двигали мебель, сворачивали ковровые дорожки, переставляли компьютеры... При всем при том работа не прекращалась ни на минуту.

Жанна временно перебралась в информационный отдел — там, кроме Юры Пересветова, в этот день больше никого не было.

Потом у нее завис компьютер. Потом сломался телефон. Потом электричество вообще вырубил — комнаты погрузились в полумрак.

Юра Пересветов ничего не замечал — он молча продолжал работу, благо его компьютер теперь работал от зарядного устройства, автономно.

— Нет, я так не могу... — с раздражением воскликнула Жанна, отъехав от стола в кресле на колесиках. — Юр!

— Что? — не сразу отозвался тот.

— Юр, говорят, ты отсюда свалить хочешь? — негромко спросила Жанна. Спросила потому, что у нее самой сейчас возникло подобное желание.

— Ерунда, — отозвался Пересветов.

— Нет? Ну надо же, а говорили...

— Больше слушай.

Юра Пересветов многословием не отличался.

— Чувствуешь? — Жанна повела носом. — Какой-то дрянью пахнет.

— Нет.

— Мы тут сдохнем, как тараканы. Ю-у-ра! — с тоской позвала она.

— Что? Ну что тебе? — Он наконец повернулся к ней.

— Почему ты такой скучный?

Талантливый программист и выдающийся системный администратор Пересветов не успел ей ответить — в этот момент в комнату вошла Нина, бросила на свободный стол стопку папок.

— Жанна, Платон Петрович просит тебя уничтожить накладные за август.

Над конторой, как проклятие, всегда витал призрак налоговой полиции.

— А, хорошо... — согласилась Жанна. — Спасибо, Нина.

— На здоровье, — отозвалась та с мягкой улыбкой. — Юра, обедать пойдешь? Уже час.

— Час? — удивился Пересветов. — Да, сейчас иду.

Он выскочил из-за стола и побежал вслед за Ниной.

«Что-то в этом есть... — подумала Жанна. — Впрочем, ничего в этом нет. За Ниной ухаживает Гурьев. Но поскольку Гурьев на больничном (очень вовремя, как будто чувствовал, что тараканов будут морить!), то Нина просто решила пообедать с Юрой за компанию...»

Жанна положила ноги на стол, закинула руки за голову. Сегодня на ней был темно-коричневый брючный костюм и черные туфельки с блестящими пряжками — вид в высшей степени строгий, офисный.

— Жанна... — в комнату заглянул Руслан Айхенбаум. — Идем обедать.

— Да, уже пора! — из-за его спины выглянул Яша Сидоров. — Цветок ты наш лазоревый...

Айхенбаум раскрутил ее кресло. Жанна взвизгнула — но ее вовремя подхватил Сидоров.

— Ну идем, идем, птичка... — Он принялся ее целовать — в нос, в щеки, куда попало.

— Сидоров, скотина! — Айхенбаум принялся отталкивать приятеля от Жанны. — Я тебя убью...

Потасовка была шуточной — но тем не менее у Жанны растрепались все волосы.

— Как же вы мне надоели! — со стоном произнесла она. — О, если б кто знал, как вы мне надоели!

Тем не менее через пять минут они вышли из здания и направились в сторону кафе, где обычно обедали. Стандартный бизнес-ланч. Впрочем, большинство сотрудников ходили в другое кафе, попроще, но неразлучная трои-